

РЕАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНЫХ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАСАЮЩИХСЯ ВОПРОСОВ О ПРИМЕНЕНИИ СУДАМИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

А. И. Видергольд

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

В статье рассматриваются некоторые проблемы, с которыми сталкиваются судьи при применении принудительных мер медицинского характера по уголовным делам. Автор обращает внимание на ошибки, которые допускают суды при применении принудительных мер медицинского характера. В статье исследуются сформулированные Верховным Судом Российской Федерации судебные правовые позиции, разъясняющие вопросы, возникающие у судов при назначении, продлении, изменении и прекращении принудительных мер медицинского характера. Автор приходит к выводу, что судебные позиции Верховного Суда Российской Федерации оказывают положительное влияние на единообразное применение уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел данной категории.

Ключевые слова: *судебные правовые позиции, принудительные меры медицинского характера, уголовный процесс, Верховный Суд Российской Федерации.*

В последние годы в России наблюдается тенденция к расширению влияния судебных правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ) на правоприменение. Осуществляя правосудие по уголовным делам, подсудным судам общей юрисдикции, Верховный Суд РФ формирует позиции путем судебного толкования уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим нам представляется актуальным исследование судебных позиций Верховного Суда РФ, касающихся вопросов назначения, продления, изменения и прекращения принудительных мер медицинского характера.

Принудительные меры медицинского характера – меры государственного принуждения, назначаемые, продлеваемые, изменяемые и прекращаемые по решению суда лицам, которые совершили общественно опасное деяние, предусмотренное статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ, в состоянии невменяемости, а также лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, либо назначаемые по решению суда лицам, виновным в совершении преступления и страдающим психическим расстройством, не исключаящим вменяемости, но повлиявшим

на осознанно волевой выбор поведения в момент совершения преступления, и заключающиеся в мероприятиях, направленных на лечение, восстановление психического здоровья, предотвращение совершения нового общественно опасного деяния, опасности причинения вреда себе или другим лицам, возможности причинения иного существенного вреда, соблюдение прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами [1, с. 70].

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2013 год, количество признанных невменяемыми лиц, в отношении которых уголовные дела были направлены в суд, за пять лет увеличилось более чем на треть. Отчет о работе судов Челябинской области по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011 года показал, что в 2011 году районными (городскими) судами рассмотрено 311 ходатайств о прекращении, изменении или продлении принудительной меры медицинского характера. В отчете о работе судов общей юрисдикции Челябинской области по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2013 года указано, что районными (городскими) судами Челябинской области в 2013 году рассмотрено уже 519 ходатайств о прекращении, изменении или продлении принудитель-

ной меры медицинского характера. Данные показатели свидетельствуют о том, что в судебной практике выявляется все большее количество лиц, имеющих расстройства психической деятельности.

Пленум Верховного Суда РФ 7 апреля 2011 г. принял Постановление № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (далее – Постановление № 6), в котором рассмотрел некоторые вопросы, возникающие у судов при назначении, продлении, изменении и прекращении принудительных мер медицинского характера. Постановление № 6 в своей значительной части направлено на защиту прав людей с психическими расстройствами, в том числе совершивших преступление. Отметим, что Постановление № 6 сохранило определенную преемственность в отношении аналогичного (теперь уже не действующего) Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. № 4. Вместе с тем со времени принятия Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. № 4 были коренным образом реформированы уголовный и уголовно-процессуальный законы, а также законодательство о здравоохранении. Изменился и подход к проблеме обеспечения прав лиц, страдающих психическими расстройствами. Например, в соответствии с дополнениями, внесенными в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 323-ФЗ, лицам, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, обеспечивается право лично участвовать и осуществлять свои права в заседаниях суда первой и вышестоящих инстанций в тех случаях, когда это позволяет состояние их психического здоровья, а также обжаловать состоявшиеся по делу судебные решения.

Обратим внимание, что в Постановлении № 6 нашли свое отражение ответы на многие вопросы, вызывающие затруднения у судей. Один из ключевых для правоприменителя вопросов разъясняется в п. 5 Постановления № 6 о подсудности дел о применении принудительных мер медицинского характера. В частности в данном пункте содержится ответ на вопрос: вправе ли указанную категорию дел рассматривать мировые судьи?

В УПК РФ закреплено основополагающее

правило о том, что производство о применении принудительных мер медицинского характера осуществляется в общем порядке, установленном УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными гл. 51. Общие правила о предметной подсудности уголовных дел, в том числе мировым судьям, закреплены в ст. 31 УПК РФ, и никаких изъятий из этих правил гл. 51 УПК РФ не содержит.

Как показывает судебная практика, до принятия Постановления № 6 большинство судей обоснованно полагали, что уголовные дела о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния, указанные в ч. 1 ст. 31 УПК РФ, подсудны мировому судье.

Однако имелся и иной подход судов к этому вопросу. Некоторые судьи полагали, что дела о применении принудительных мер медицинского характера не относятся к подсудности мировых судей по той причине, что в ст. 445 УПК РФ имеется указание на возможность кассационного (а не апелляционного и кассационного) обжалования вынесенных судом постановлений (обратим внимание, что Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ в п. 8 ст. 445 УПК РФ были внесены изменения, согласно которым постановление суда может быть обжаловано в апелляционном и кассационном порядке или в порядке надзора). Например, в обобщении практики рассмотрения судами Московской области уголовных дел и материалов о применении, прекращении, изменении и продлении принудительных мер медицинского характера за второе полугодие 2010 года приведены следующие примеры. Видновским городским судом в нарушение правил подсудности было рассмотрено уголовное дело в отношении С. М. Телебы, совершившей в состоянии невменяемости общественно опасное деяние, содержащее признаки преступления, предусмотренного ст. 30 ч. 3 УК РФ, ст. 159 ч. 1 УК РФ (кассационное определение № 22-6434). Балашихинский городской суд в противоречие с положениями ст. 31 УПК РФ принял к рассмотрению уголовное дело в отношении А. Н. Кознева, совершившего деяние, подпадающее под признаки ст. 167 ч. 1 УК РФ (постановление от 15 июля 2010 г.). Аналогичная ошибка была допущена Коломенским городским судом по делу № 1-227/10 в отношении

А. В. Бычкова, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 118 ч. 1 УК РФ.

В целях обеспечения правильного применения указанной уголовно-процессуальной нормы в Постановлении № 6 Пленум Верховного Суда РФ сформировал судебную правовую позицию, согласно которой подсудность дел о применении принудительных мер медицинского характера определяется по общим правилам подсудности уголовных дел, установленным в ст. 31 УПК РФ.

Как показывает анализ судебной практики, вышеуказанная судебная позиция Постановления № 6 оказала положительное влияние на единообразие судебной практики по вопросу подсудности. Например, судья Харабалинского районного суда Астраханской области В. А. Корнева, рассмотрев 8 июля 2011 г. в закрытом судебном заседании материалы уголовного дела в отношении гражданина РФ, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, предусмотренное ст. 119 ч. 1 УК РФ, изучив материалы дела, пришла к следующему: в соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» подсудность дел о применении принудительных мер медицинского характера определяется по общим правилам подсудности уголовных дел, установленным в ст. 31 УПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 31 УПК РФ мировому судье подсудны уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы. Санкция ст. 119 ч. 1 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет.

Таким образом, данное уголовное дело не подсудно Харабалинскому районному суду Астраханской области.

Обратим внимание еще на одну проблему. В судебно-психиатрической практике встречаются случаи, когда временное психическое расстройство, возникшее у лица после совершения инкриминируемого ему деяния, препятствует определению психического состояния в момент совершения этого деяния. Применительно к прежнему уголовному законодательству данный пробел был восполнен специальным Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 13 июня 1985 г. «О применении статьи 11 Основ уголовного

законодательства Союза ССР и союзных республик». Постановление допускало возможность применения к лицам рассматриваемой категории принудительных мер медицинского характера до выхода из временного болезненного расстройства психической деятельности. Несмотря на то, что названное Постановление не действует с 1 июля 1992 г., органы расследования направляли уголовные дела в отношении таких лиц с постановлениями о применении к ним принудительных мер медицинского характера, суды с учетом сложившейся практики назначали им необходимые меры, а психиатрические стационары принимали этих больных для лечения. Так, в обобщении практики рассмотрения судами Московской области уголовных дел и материалов о применении, прекращении, изменении и продлении применения принудительных мер медицинского характера за второе полугодие 2010 года отмечено, что в отношении таких лиц судьи, как правило, принимали решение о применении принудительной меры медицинского характера в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ и одновременно о приостановлении производства по уголовному делу, руководствуясь ч. 3 ст. 253 УПК РФ.

Кроме того, в судебной практике имели место случаи удовлетворения судом ходатайств о продлении применения принудительной меры медицинского характера к лицу, находящемуся в реактивном состоянии в порядке ст. 445 УПК РФ. Решение о продлении лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа было принято 13 сентября 2010 г. Люберецким городским судом в отношении В. А. Новокшенова, страдающего временным психическим расстройством.

Аналогичные решения принимались судами и других регионов, причем, как следует из опубликованной практики Верховного Суда РФ, высшая судебная инстанция при проверке законности решений по существу рассматриваемой проблемы не вмешивалась. Например, в Бюллетене Верховного Суда РФ № 7 за 2009 г. приведено определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 сентября 2008 г. № 87-О08-12 (по делу Я., рассмотренному Костромским областным судом), где высказано мнение о том, что, установив, что у лица выявлено временное психическое расстройство, препятствующее определению его психического со-

стояния в момент совершения общественно опасного деяния, суд назначает в отношении такого лица принудительные меры медицинского характера в виде принудительного лечения в стационаре с указанием в резолютивной части решения, что эти меры назначаются до выхода лица из болезненного состояния с последующим направлением на экспертизу для решения диагностических и экспертных вопросов. Отсутствие данного указания в резолютивной части судебного решения препятствовало бы в дальнейшем после выхода лица из болезненного состояния возобновлению производства по уголовному делу. Получается, что Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление суда по кассационному представлению лишь на том основании, что в нем не было отмечено, что принудительные меры медицинского характера назначаются Я. до выхода его из болезненного состояния с последующим направлением на экспертизу для решения диагностических и экспертных вопросов, а это препятствует возобновлению производства по уголовному делу после выхода Я. из болезненного состояния.

Кардинально меняет данную следственную-судебную практику судебная позиция, содержащаяся в п. 9 Постановления № 6, согласно которой, «если в ходе судебного разбирательства при проведении судебно-психиатрической экспертизы будет установлено, что у подсудимого наступило временное психическое расстройство, при котором не представляется возможным дать заключение о его психическом состоянии во время совершения общественно опасного деяния, то производство по делу подлежит приостановлению в соответствии с ч. 3 ст. 253 УПК РФ. Вопрос об освобождении такого лица от уголовной ответственности или наказания в этих случаях не решается». Высшая судебная инстанция прямо указала, что применять принудительные меры медицинского характера в подобных случаях нельзя.

Хотелось уделить внимание еще одной проблеме. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. (утратившими силу) в случае причинения материального ущерба лицом, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или заболевшим душевной болезнью после совершения преступления, вопрос о возмещении ущерба подле-

жит рассмотрению в порядке гражданского производства, о чем должно быть указано в постановлении суда.

Данная позиция связана с необходимостью установления надлежащего гражданского ответчика, обязанного в соответствии с гражданским законодательством возмещать ущерб, причиненный таким лицом.

Как показывает анализ судебной практики, судами данные требования в основном выполнялись, заявленные иски передавались на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Вместе с тем судами допускается рассмотрение по существу гражданских исков в рамках данного производства. Так, в Амурской области постановлением Белогорского городского суда от 19 мая 2010 г. И. освобожден от уголовной ответственности за совершение деяния, запрещенного уголовным законом, предусмотренного пп. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, к И. применено принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа. При этом судом взыскано с И. в счет возмещения ущерба в пользу потерпевшего 5 000 рублей.

Аналогичные решения имели место в Новосибирской области. Например, Кочковский районный суд прекратил уголовное дело в отношении гражданина РФ, отказав в применении к ней принудительных мер медицинского характера за совершение им в состоянии невменяемости общественно опасного деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ. Вместе с тем суд взыскал с него в пользу потерпевшего возмещение имущественного вреда, причиненного деянием.

В целях установления единообразного подхода к гражданскому иску в п. 22 Постановления № 6 в сформулирована следующая позиция: гражданский иск, заявленный по уголовному делу о применении принудительных мер медицинского характера, не подлежит рассмотрению, что не препятствует последующему его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, о чем суд принимает соответствующее решение.

После принятия Постановления № 6 анализ дел показал, что суды стали более внимательно подходить к разрешению указанных вопросов. Так, Суражский районный суд Брянской области в постановлении от 12 сентября 2013 г. по делу № 1-65/2013 об освобо-

ждении от уголовной ответственности и применении принудительной меры медицинского характера, рассмотрев материалы уголовного дела в отношении Н. Ф. Наумченко, установил, что гражданский иск, заявленный потерпевшим о взыскании материального ущерба, необходимо оставить без рассмотрения, так как в соответствии с п. 22 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» гражданский иск, заявленный по уголовному делу о применении принудительных мер медицинского характера, не подлежит рассмотрению, что не препятствует его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства. Суд постановил, что гражданский иск истца о взыскании в его пользу с Н. Ф. Наумченко компенсации причиненного материального ущерба в размере 31 570 рублей рассмотрению не подлежит, что не препятствует потерпевшему предъявлению гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, производство по применению принудительных мер медицинского

характера сопряжено с множеством проблем и вопросов, возникающих в судебной практике. Это связано с тем, что в законодательстве имеется много неточностей и пробелов в данной сфере. Поэтому судебные правовые позиции, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», разъясняющие судам и органам предварительного расследования вопросы, возникающие при назначении, продлении, изменении и прекращении применения принудительных мер медицинского характера, оказывают положительное влияние на единообразное применение уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел данной категории.

Литература

1. Спасенников, Б. А. К вопросу о назначении вида принудительных мер медицинского характера в судебной практике / Б. А. Спасенников // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 1 (2). – С. 70–77.

Видергольд Анна Игоревна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: pearl3332009@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 18 марта 2015 г.

THE IMPLEMENTATION OF THE LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION RELATING TO THE ISSUES ON THE APPLICATION OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES BY COURTS

A. I. Vidergold

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article deals with the problems faced by judges in the application of compulsory medical measures in criminal cases. The author focuses on mistakes made by the courts in applying the measures of medical nature. This article examines the judicial legal positions formed by the Supreme Court of the Russian Federation. These positions clarify the issues on the appointment, renewal, modification, and termination of the application of compulsory measures of medical nature. The author comes to the conclusion that legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation have a positive impact on the unified application of the criminal procedure law in cases of this category.

Keywords: *judicial legal positions, compulsory measures of a medical nature, criminal process, the Supreme Court of the Russian Federation.*

References

1. Spasennikov B. A. [To the question of the appointment of compulsory medical measures in the judicial practice]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal [The CSI library. Scientific journal]*, 2012, no. 1 (2), pp. 70–77. (in Russ.)

Anna Igorevna Vidergold – postgraduate student of Criminal Procedure and Criminalistics Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: pearl3332009@yandex.ru.

Received 18 March 2015.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Видергольд, А. И. Реализация судебных правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, касающихся вопросов о применении судами принудительных мер медицинского характера / А. И. Видергольд // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 36–41.

FOR CITATION

Vidergold A. I. The implementation of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation relating to the issues on the application of compulsory medical measures by courts. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 36–41. (in Russ.)
